

Евгений
Пермяк

ДИЧОК

художник
Л. ГЛАДНЕВА

Подарила бабушка своему внуку Антоше нож-складешок с кленовым черешком.

**Не нарядуетя Антоша на ножичек, только не знает,
чтобы такое им сделать... Побежал в лес.**

Увидел дикую яблоньку: « Дай-ка,—думает,—я
неё батожок вырежу!»

Нахмурился лес. Зашумел: «Ты что, баловник, делаешь? Зачем мою внучку губишь? Не гневи меня! Плохо тебе будет, если я разгневаюсь».

«Да что ты мне можешь сделать! Кто ты мне! Что от тебя пользы-то! Поишь или кормишь!»—закричал Антоша.

**Умолк лес, потемнел. Дождь накрапывать начал.
Молния сверкнула. Птички пискнули и в гнёзда по-
прятались.**

Схватил Антоша батожок, домой, к бабушке побежал. На бегу оглянулся да лесу язык показал! «Ну, каков ты со мной, таков и я с тобой...»—прошумел лес.

Тут батожок вырвался из Антошиных рук да как стукнет его по затылку! И—в лес убежал.

**А Антон спешит. До деревни-то совсем пустык остал-
ся: через горбатый мост перебежать—и дома. Да не
тут-то было...**

Мост вдруг до того круто взгорбился—не перейти, не перелезть. «Ты что, горбун, выдумал! Почему меня не пропускаешь!»—рассердился Антон. «А я ведь деревянный. В лесу вырос, леса и слушаюсь». II

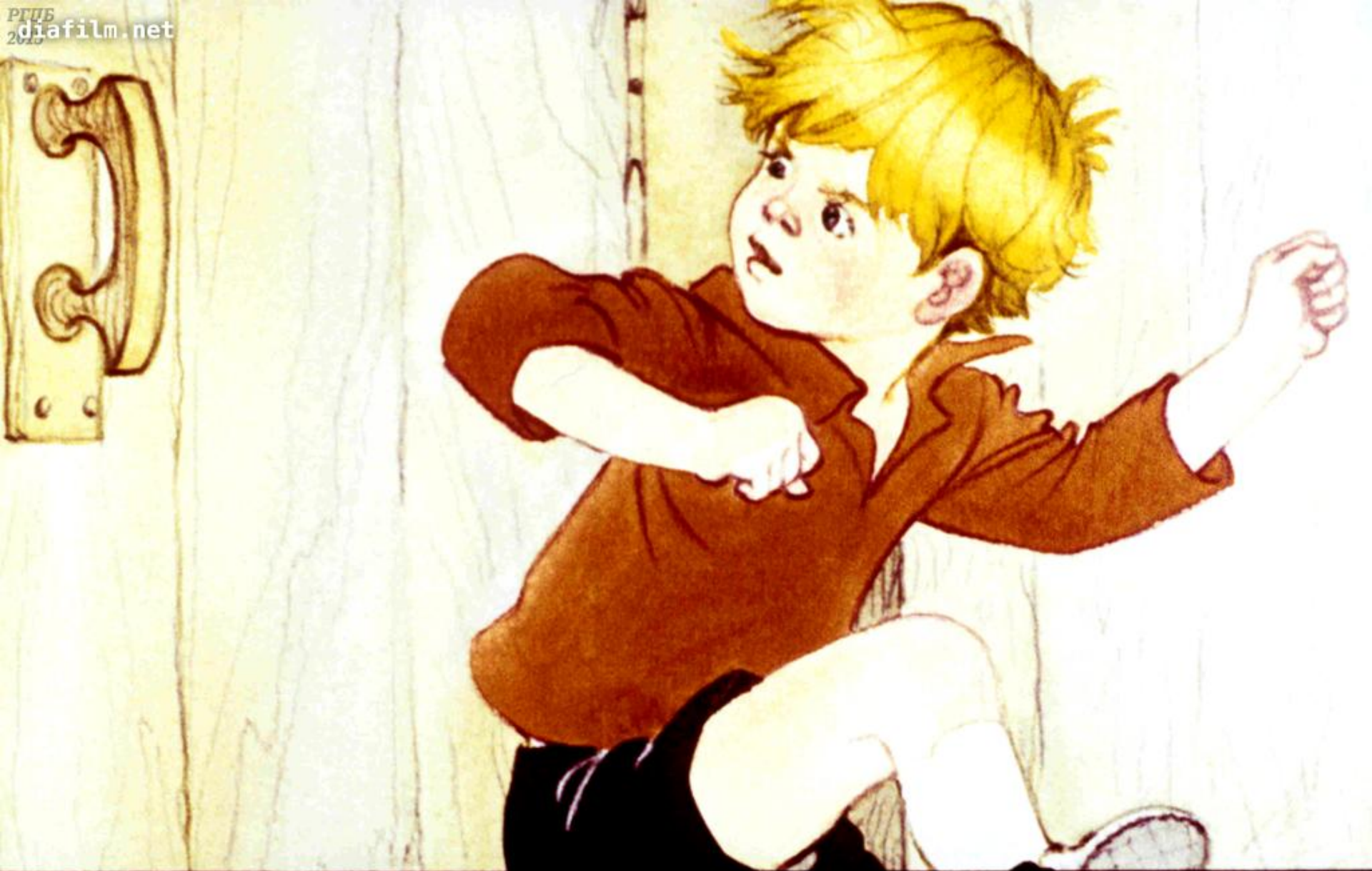
Хотел Антоша речку на лодке переплыть, а та возьми да перевернись! «Аль не знаешь,—говорит,— что лодки в лесу растут. Из дерева долбятся. Плывика плывмя!»

Дождь к той поре как из ведра полил. Так и так мокрому быть. Поплыл Антон. Продрог. По весне дело-то было...

Прибежал к дому, ткнул с разбега калитку, а калитка как стена каменная. Не открывается.

**Начал Антон калитку руками-ногами бить, а та ему:
«Бей, хоть лоб разбей, не откроюсь. Деревянная я.
Лезь свиным ходом, собачьим лазом».**

**Полез Антоша свиным ходом, собачьим лазом. Чу-
чело чучелом вылез. Бабушка увидела, руками
всплеснула: «Ахти мне!»**

А у Антона зуб на зуб не сходится. Дрожит, слова вымолвить не может. Видит бабушка—баню надо топить. Внука парить.

Истопила баню, посадила Антошу на полук. «Дай-ка, бабушка, веник берёзовый, попариться хочу».

Веник сам прибежал, листья шёлковые сбросил и давай Антона голыми ветками хлестать! Тут и мочалка подоспела... Еле бабушка внука от них отбила! 19

А в избе-то и вовсе Антоше деться некуда. Стол качается, деревянная чашка со щами в руки не даётся, ложка по лбу стучает, пол занозами пятки колет...

Залез Антоша на печку. Та, известно, не в лесу росла. Сидит, чуть не плачет. «Не разгневал ли ты синий лес?»—спрашивает печка. «А ты откуда знаешь, кирпичное отродье!»

«Оттуда я знаю, грубиян, что остывать начала. Я хоть не в лесу выросла, а лесом тепла. С лесом дружусь, дровами топлюсь!»

Хотел Антоша утешиться, на новый ножичек полюбоваться. Глядь, а красивый кленовый черешок пропал!

Начал Антон понимать, как плохо человеку с лесом в раздоре быть, сколько пользы лес людям даёт... И чем больше он вспоминал, что из леса пришло, тем горше ему становилось.

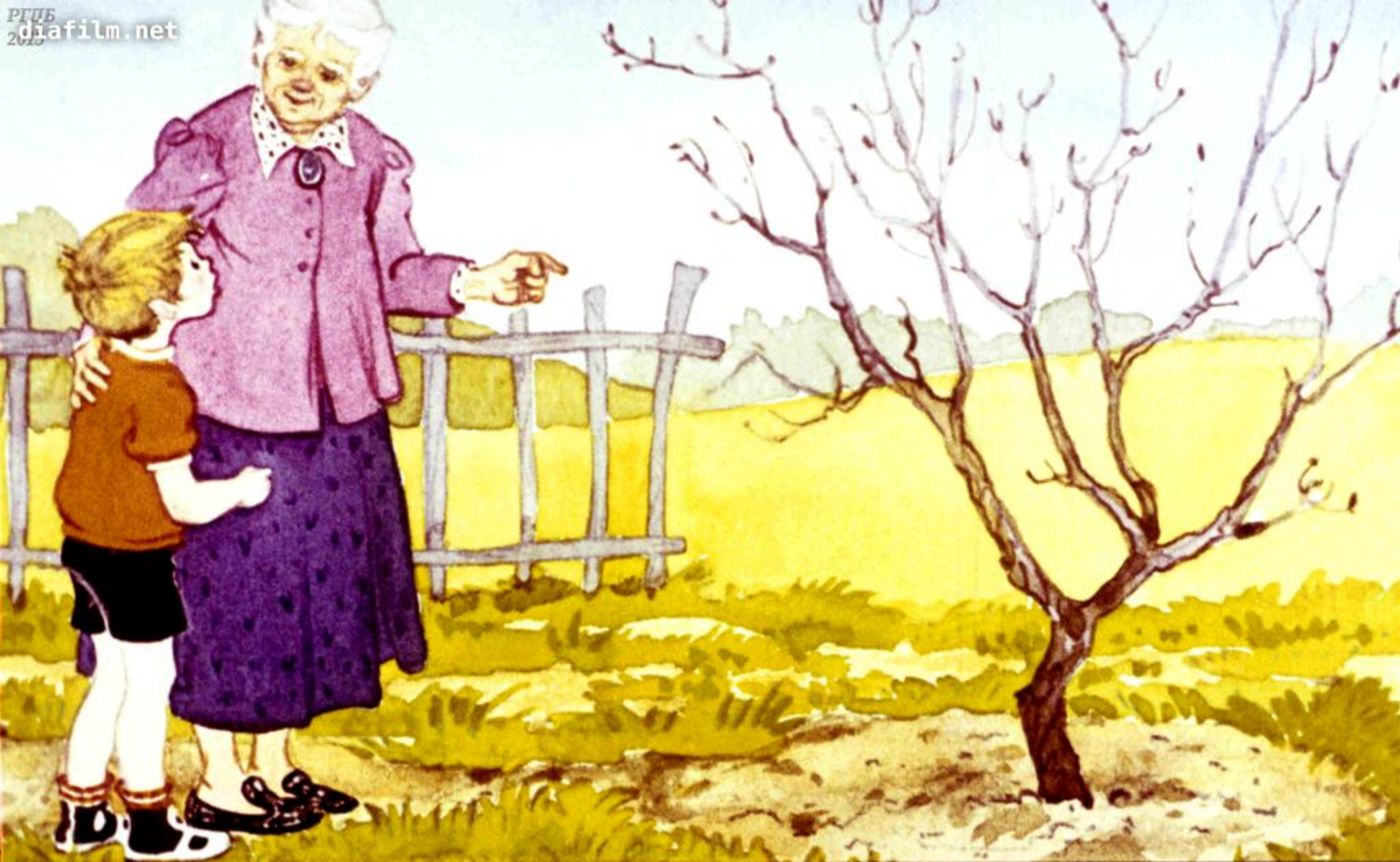
Признался внук бабушке, чем лес прогневал. Запечалилась бабушка, а потом промолвила: «Ложись-ка спать. Утро вечера мудренее. Придумаю что-нибудь, чтоб тебя с лесом помирить».

Утром бабушка сказала: «Простит тебя лес. Только не словами, а делом заслужи прощение». И привела Антошу в огород.

А в огороде нездешняя яблоня росла. Антошин дед тёплый край нашей земли от врагов оберегать ходил. Оттуда и привёз крошку-саженец. Выросла яблоня всем на загляденье. Только яблоки на ней редкий год случались: то мороз прийдёт, то утренник хватит... Известно, из тёплых мест дерево. Зато уж когда родятся яблоки—на возу не увезёшь. И сладкие-то, и мягкие, и всю зиму лежат—хоть бы что!

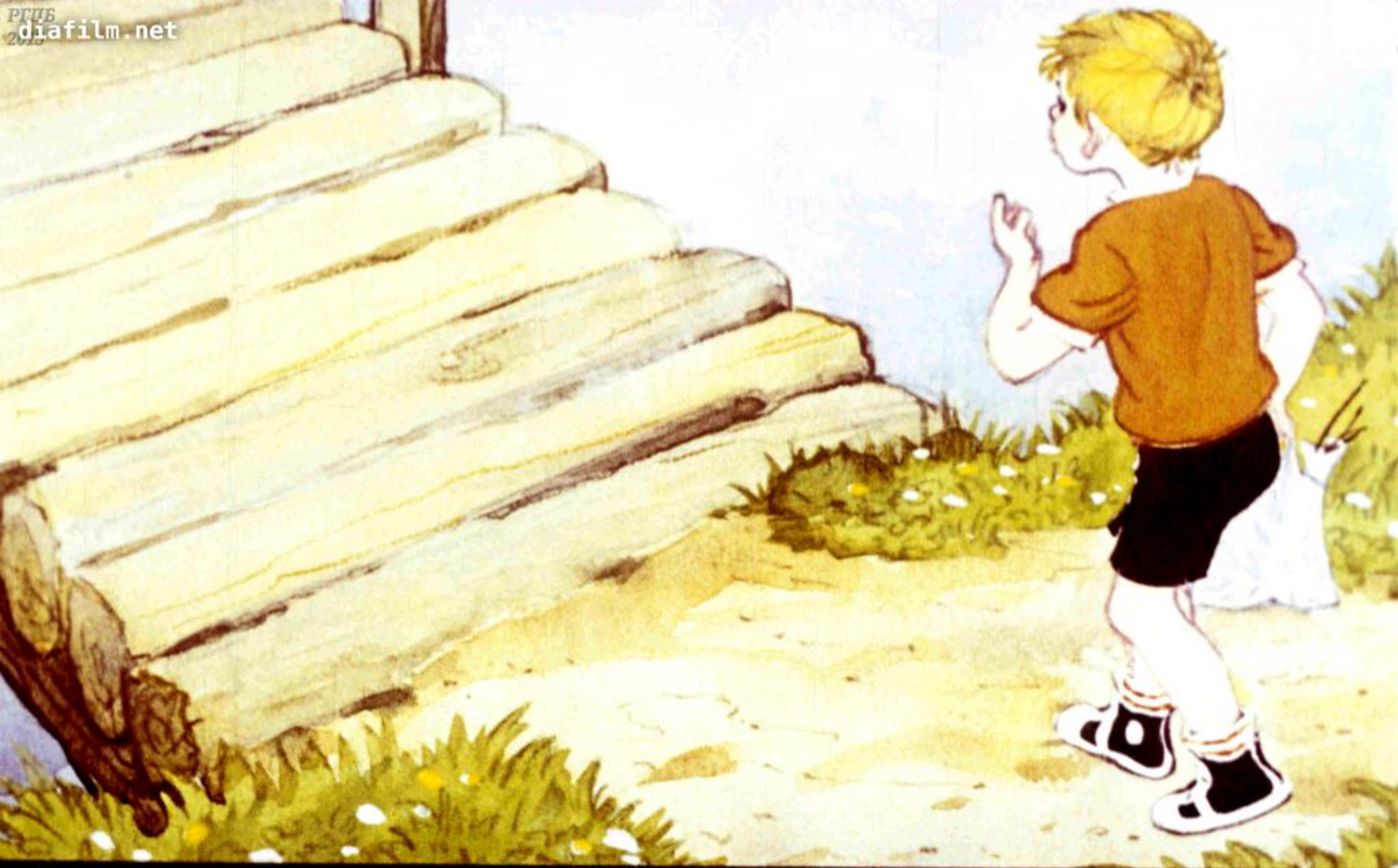

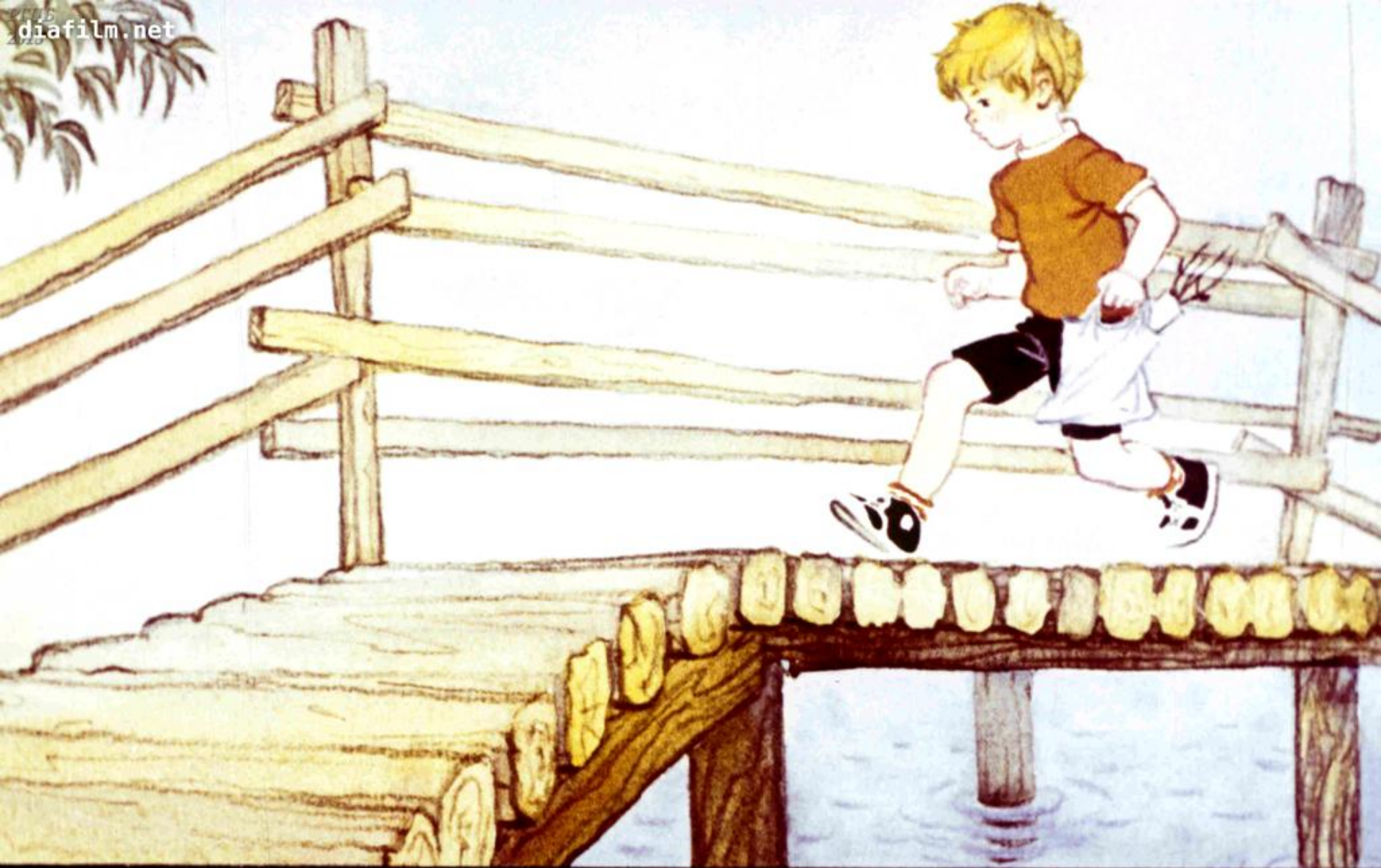
**Подвела бабушка Антона к этой яблоне и говорит:
«Привей ты её росточек на дикий пенёчек да погля-
ди, что будет».**

Два дня учила бабушка Антошу, как надо надрез делать, как росток на него прививать, да воском залеплять, да мочалкой обвязывать.

А на третий день нарезал Антоша черенков-ростков с нездешней яблони и отправился в лес. Известно, речка на пути. Невесело в студёную воду лезть...

Подумал Антон и сказал горбатому мосту: «Пропусти меня, пожалуйста, я иду у леса прощения просить». Мост только скрипнул, но не сгорбился.

Лес не шумел, не хмурился. Будто и не узнал... И Антоша молчит, глазами пенёк от сгубленной им яблоньки высматривает. Да не видно его.

Только слышит, незнакомая яблонька тихо плачет.
«О чём ты, милая яблонька, плачешь? Что с то-
бой?»—спросил Антоша.

«Погляди-ка,—говорит яблонька,—что зайцы со мной сделали! Всю кору обгрызли. Пропаду я теперь. Кто меня от стужи и зноя сохранит!..»

«Не печалься,—сказал Антоша,—у меня и воск, и мочало есть. Сейчас перевязку сделаю... Расти большая да красивая. А мне бы тот пенёчек ещё разыскать!»

Глядь—драчун-батожок тут как тут. «Иди за мной, так и быть, покажу, где я дикой яблонькой рос!» 36

Вот пенёк. Подрезал его Антоша, как надо: наискосок. Бережно привил росток, срез воском залепил и мочалкой обвязал. А росток вдруг на глазах зазеленел!

**Обрадовался Антоша: простил его лес! И черешок
кленовый вернулся к ножичку: значит, лес больше не
гневаётся.**

Тихо, ласково шелестит старый лес. Понял, что Антоша не со зла погубил яблоньку: руки чесались, работы требовали. Не знал он, что ножом можно делать, а что нельзя.

**Много ли, мало ли лет прошло, стали Антошины
ростки яблонями. Такие яблоки на них родились—
душистые, вкусные да крупные. А главное—ни мо-
розов, ни утренников не боятся.**

«Чудо ведь это, а не яблоки!»—говорит народ. «Какое же чудо,—отвечает дед Антон—Антошей-то который был.—Чуда нет, что нездешний росток да здешний пенёк новые яблоки уродили».

**Понял ли, нет ли эти слова народ, только все стали
саженцы просить. Дед Антон никому не отказывал.
Так и пошли расти по всей нашей земле новые яблони.**

Сценарий Т. СЕМИБРАТОВОЙ
Художественный редактор В. ПЛЕВИН
Редактор Г. ВИТУХНОВСКАЯ

Д-147-88

© **Студия „ДИАФИЛЬМ“ Госкино СССР, 1988 г.**
103062, Москва, Старосадский пер., 7
Цветной 0-30

МАДОУ детский сад № 2 г. Ивделя